

Атол Фугард: «Я хочу изменить эту страну»

Ни полицейские репрессии, ни жесточайшая цензура не в силах заставить замолчать передовых деятелей культуры Южно-Африканской Республики. Значительное развитие в последние годы получил боевой, прогрессивный театр, несущий правду об апартеиде, призывающий к борьбе против расизма. Мощный творческий стимул новому театру дают историческая победа народов Анголы и Мозамбика, активизировавшееся национально-освободительное движение в самой ЮАР, Родезии и Намибии.

«ЗЮДДОЙЧЕ ЦАЙТУНГ»,
МЮНХЕН.

Атол Фугард (родился в 1933 году) — самый известный сейчас в ЮАР драматург, хотя его пьесы, пользующиеся за рубежом огромным успехом, на родине запрещены. Правительство белого меньшинства подвергает преследованиям Атола Фугарда, несмотря на то, что он белый. Он живет в Порт-Элизабет, работает в стороне от официальной культуры вместе со смешанной труппой актеров. В его пьесах во всей отталкивающей наготе предстает сегодняшний мир ЮАР, страны, ставшей застенком для миллионов африканцев (подробнее о творчестве Атола Фугарда см. в «За рубежом» № 14 за 1975 год. — Ред.). Последняя пьеса Фугарда, «Диметос», премьера которой состоялась на театральном фестивале в Эдинбурге, идет сейчас в Лондоне с известным актером Полом Скофилдом в главной роли. В Лондоне и состоялся этот разговор с южноафриканским драматургом.

— На родине вас считают самым выдающимся драматургом ЮАР, а как вы сами относитесь к порядкам на родине?

— Приведу лучше несколько фактов. Как и у всех граждан, у меня был заграничный паспорт, но однажды его у меня отобрали. Почти пять лет я не мог выехать за пределы ЮАР. После долгих мятарств паспорт мне все же

вернули, но с ограниченным сроком действия. Например, чтобы поехать в Англию показать последнюю пьесу «Диметос», мне пришлось долго ходить по инстанциям. Какое же после этого может быть отношение к властям моей страны, к пресловутому «моему» правительству?

В ЮАР я считаюсь «персональной нон-грата», верхам не по вкусу моя работа. В своих произведениях я критически оцениваю положение в стране. В итоге полицейские регулярно наносят мне «визиты», мой телефон прослушивается, письма вскрываются. Впрочем, так поступают со многими южноафриканцами.

Оглядываясь на последние 15 лет, я иногда спрашиваю себя: «Какой смысл имели моя работа, мой театр, мои взгляды?» Я хочу изменить, коренным образом изменить этот

мир, это больное, прогнившее общество. Но, честно говоря, я не знаю, насколько мне удалось приблизить перемены своими критическими пьесами.

Я, наверное, не слишком искусный «политик». Как я представляю себе новое общество в ЮАР? Прежде всего необходимо введение избирательного права для всех, устранение расовой дискриминации. Но как нужно действовать, чтобы создать такое общество, я до конца пока не представляю.

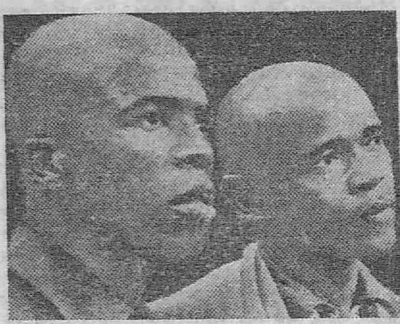
— Для правительства ЮАР вы неудобный автор, ваш театр, видимо, можно назвать подпольным. А что вы можете сказать о театре в вашей стране вообще?

— Конечно, у нас есть официальный театр, на который расходуются миллионы рандов: роскошные оперные залы, самые фантастические театральные помещения, но все это только для белых. Там ставят классику, ведь современные произведения в результате бойкота со стороны многих зарубежных драматургов (Джона Осборна, например, или Эдварда Бонда) на этих сценах не идут. И есть подпольный театр, в котором я работаю. У нас нет помещений, нет денег, но все же мы находим лазейки в законах и выступаем перед смешанной публикой, то есть и перед коренными африканцами. В таких театрах-клубах мы даже играем запрещенные пьесы и те, которые еще не успели запретить. Подпольный театр делает нужное дело, а вот официальная сцена, на мой взгляд, мертва. Там идут музейные вещи или бездарные подражания. А ведь театр — это возможность говорить с людьми, со всеми людьми, с теми, кто живет вместе со мной в этом обществе, находящемся на грани взрыва.

— Есть ли у вашего театра свои авторы?

— Да. Я мог бы назвать сразу семь имен, причем четыре африканских. По сравнению со мной (мне ведь пошел 43-й год) они еще очень молоды, им не хватает мастерства, но уже сейчас это многообещающие драматурги. Я верю, что в южноафриканском театре скоро многое изменится. Но пока ситуация такова: если правдиво изобразить политические и социальные реалии ЮАР, тебя немедленно запретят. У одного из наших авторов, о которых я говорил, за последние годы запретили три пьесы.

— А идет ли в вашем теат-

Джон Кани и Уинстон Нтшона — талантливые актеры-африканцы из труппы Атола Фугарда, его соавторы по пьесам «Сизве Банзи мертв» и «Остров». Артисты, удостоенные в прошлом году в США «Премии Тони», находятся сейчас в Порт-Элизабет под «домашним арестом», выступать перед публикой им запрещено.

«Крисчен сайенс монитор», Бостон.

вернули, но с ограниченным сроком действия. Например, чтобы поехать в Англию показать последнюю пьесу «Диметос», мне пришлось долго ходить по инстанциям. Какое же после этого может быть отношение к властям моей страны, к пресловутому «моему» правительству?

В ЮАР я считаюсь «персональной нон-грата», верхам не по вкусу моя работа. В своих произведениях я критически оцениваю положение в стране. В итоге полицейские регулярно наносят мне «визиты», мой телефон прослушивается, письма вскрываются. Впрочем, так поступают со многими южноафриканцами.

Оглядываясь на последние 15 лет, я иногда спрашиваю себя: «Какой смысл имели моя работа, мой театр, мои взгляды?» Я хочу изменить, коренным образом изменить этот

ре то, что вы называете «классической»?

— Да. В Порт-Элизабет, где я живу и руковожу смешанной труппой, за последние три года мы поставили пьесы Софокла, Камю, Брехта. С текстами, правда, мы обошлись вольно, существенно приблизив к сегодняшним реалиям нашей страны. Словом, мы адаптируем известные пьесы так, чтобы они «звучали» соответственно нашим задачам.

— Получается, что вы творите в глубокой изоляции?

— Не совсем так. Брехта и Беккета я с восторгом читал и перечитываю сейчас. Влияние оказало на меня также творчество О'Нила и Уильямса. Но должен сказать, что больше всего я взял не столько у драматургов, сколько у практиков театра. В этом смысле Брехт был и остается чрезвычайно важным для меня.

— Как вы расцениваете перспективы на ближайшее будущее?

— Если бы мне шесть лет назад сказали о том, что произошло уже сейчас в Южной Африке — я имею в виду и Анголу, и Мозамбик, и Родезию, — я бы не поверил. Мы тогда приходили в ужас от мысли, что положение укрепились и долго не изменится. Националистическое правительство, которое и сейчас еще у власти в ЮАР, развернуло тотальную слежку. Мы подозревали, что под его контролем находятся все соседние страны, даже португальская колониальная администрация в Анголе и Мозамбике. А ситуация в Родезии представлялась стабильной — по-прежнему исключительное господство белых над африканцами.

То, что произошло в последнее время, буквально ошеломило нас, породило ощущение неминуемого перелома и у нас. В ЮАР среди белых началось брожение, которое раньше просто невозможно было представить. Главное, люди начали задавать вопросы. И наш театр не остался в стороне, нынешняя обстановка вдохновила молодых авторов на произведения, раньше просто невысказанные.

Я верю, учитывая уже происшедшие перемены, что в ближайшие годы наступит решающий перелом во всех областях жизни ЮАР. Без потрясений, видимо, не обойдется, ведь в стране есть кучка белых, которые и слышать не хотят о переменах, но эти перемены наступят обязательно.